

Михаил Салтыков-Щедрин

Наш дружеский хлам

Михаил Салтыков-Щедрин

Наш дружеский хлам

«Public Domain»

Салтыков-Щедрин М. Е.

Наш дружеский хлам / М. Е. Салтыков-Щедрин — «Public Domain»,

«...Если я, например, встречаю на улице его превосходительство Ивана Фомича и вижу, что в очах его плавает маслянистая влага, а сам он при встрече со мной покрывается пурпуром стыдливости и смотрит на меня с каким-то детским простодушием, как будто хочет сказать: «Посмотри, как я невинен! и посмотри, как хороша природа и как легка жизнь для чистых сердцем!» – то я положительно знаю, что и этот пурпур, и эта влага блаженства, и эта ясность души происходят совсем не оттого, что его превосходительство был на секретном любовном свидании, а оттого, что в том заведении, в котором он состоит аристократом, происходили сего числа торги. И по степени влажности глаз, и по большей или меньшей невинности их выражения я безошибочно заключаю о степени успешности торгов... К чему, скажите на милость, были бы тут вопросы, вроде: «Как поживаете, каково прижимаете?» К чему тут ласки, коварства и уверения, если я определительно вижу, что сей человек счастлив, что душа его полна музыки и что весь он погружен в какие-то сладкие, неземные созерцания?...»

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Наш дружеский хлам

Когда мы, губернские аристократы, собираемся друг у друга по вечерам, какого рода может быть у нас между собою беседа? Перемываем ли мы косточки своих ближних, беседуем ли о существе лежащих на нас обязанностей, сообщаем ли друг другу о наших служебных и сердечных *bonnes fortunes*, о том, например, что сегодня утром был у нас подрядчик Скопищев, а завтра мы ждем заводчика Белугина и проч. и проч.?

На все эти вопросы я с гордостью могу отвечать, что обыденная, будничная жизнь не составляет и не может составлять достойной канвы для наших салонных разговоров. Утром, запершись в своих жилых комнатах, мы можем, а *la rigue*, переворачивать наше грязное белье, беседовать с нашими секретарями и принимать различного рода антрепренеров, но с той минуты, как мы покидаем жилые комнаты и являемся в наши салоны, все эти неопрятности мгновенно исчезают, подобно тому как исчезают клопы и другие насекомые, гонимые светом дня. Как люди благовоспитанные, мы являемся в наши салоны не иначе, как во фраках, и очень хорошо понимаем, что, находясь в обществе, не имеем права тревожить чье-либо обоняние эманациями нашего заднего двора.

Да и какой интерес могло бы представлять для нас это переворачиванье домашнего хлама, когда нам до такой степени известны и переизвестны все наши маленькие делишки, наши карманные скорби и любостыжательные радости, что мы, как древние авгуры, взглянуть друг на друга без того не можем, чтоб не расхохотаться?

Если я, например, встречаю на улице его превосходительство Ивана Фомича и вижу, что в очах его плавают маслянистая влага, а сам он при встрече со мной покрывается пурпуром стыдливости и смотрит на меня с каким-то детским простодушием, как будто хочет сказать: «Посмотри, как я невинен! и посмотри, как хороша природа и как легка жизнь для чистых сердцем!» – то я положительно знаю, что и этот пурпур, и эта влага блаженства, и эта ясность души происходят совсем не оттого, что его превосходительство был на секретном любовном свидании, а оттого, что в том заведении, в котором он состоит аристократом, происходили сего числа торги. И по степени влажности глаз, и по большей или меньшей невинности их выражения я безошибочно заключаю о степени успешности торгов... К чему, скажите на милость, были бы тут вопросы, вроде: «Как поживаете, каково прижимаете?» К чему тут ласки, коварства и уверения, если я определительно вижу, что сей человек счастлив, что душа его полна музыки и что весь он погружен в какие-то сладкие, неземные созерцания? И действительно, встречи наши происходят в молчании; он посмотрит на меня ласково и признательно, я взгляну на него симпатически; он скажет: «Гм!», и я скажу: «Гм!»... и мы расходимся каждый по своему делу.

Или, например, когда я вижу другого аристократа, генерала Голубчикова, пробирающегося часов в шесть пополудни бочком по темному переулку и робко при этом озирающегося, то положительно могу сказать, что генерал пробирается не к кому другому, а именно к привилегированной бабке Шарлотте Ивановне. Хотя же его превосходительство, заметив меня, и начинает помахивать тросточкой, делая вид, что он гуляет, но я отнюдь не отважусь предложить ему пройти вместе со мною, потому что твердо знаю, что такого рода предложение вконец уязвит его пылающее сердце. Руководясь этою мыслью, я прикасаюсь слегка к полям моей шляпы и говорю: «Гм!» Генерал, который в другое время тоже ответил бы мне а *la militaire*, в настоящем случае считает излишним снять с головы своей шляпу совершенно (не погуби! дескать), и тоже говорит: «Гм!»... и мы расходимся. А между тем дорогой воображение уже рисует передо мной образы. С одной стороны я вижу маленького генералика, совершенно пропадающего в объятиях дебелой привилегированной бабки, а с другой стороны, величественную и не менее

дебелую генеральшу, спокойно предающуюся дома послеобеденному сну и вовсе не подозревающую, что ее крошечный Юпитерик нашел в захолустье какую-то вольного поведения Ио и воспитывает ее в явный ущерб своей Юноне.

И еще, например, если я вижу в восемь часов утра известного подрядчика Скопищева, стучащегося в двери дома, занимаемого капитаном Малаховичем, то отнюдь не думаю, чтоб Скопищев очутился здесь ни свет ни заря затем только, чтоб узнать о здоровье супруги и детей пана Малаховича, но с полной достоверностью заключаю, что ранний визит этот имеет тесную связь с постройкой земляной дамбы в городе ***. При этом в уме моем естественно возникает вопрос: «Если от пятнадцати тысяч отделить двадцать процентов, то какая составит из этого сумма?» И в это самое время, поравнявшись с капитанской квартирой, я усматриваю в одном из окон толстенькую фигуру, к чему-то канальски прислушивающуюся. Заметив меня, капитан несколько краснеет (вероятно, оттого, что я видел его в утреннем неглиже), произносит: «Гм!» – и поспешно удаляется от окна.

– То-то «гм!», – произношу и я в свою очередь и продолжаю идти своею дорогой.

Скажите на милость, к чему же было бы нам беседовать о том, для уразумения чего достаточно одного движения губ, одной мимолетной искры в глазах, одного помавания головы?

И действительно, канвою для наших разговоров служат предметы, несравненно более возвышенные. Надо вам сказать, благосклонный читатель, что хотя мы и называемся «губернскими аристократами», но, к великому прискорбию, аристократичность наша довольно сомнительная. Мы, что называется, аристократы с подлинною. Отечеством большей части из нас служили четвертые этажи тех поражающих опрятностью казенных зданий, которые во множестве украшают Петербург и в которых благополучно процветают всех возможных видов и цветов экзекуторы и экспедиторы. Там мы увидели свет, там возросли и воспитывались, и если сам Петербург способен производить только чиновников и болотные испарения, то можно себе вообразить, на производство какого рода изделий способны упомянутые выше четвертые этажи? И действительно, мы вполне прошли всю суровую школу безгласности и смиренномудрия; мы были по очереди и секретарями и приказчиками у имеющих власть людей, и поставщиками духов, собачек и румян у их жен, и забавою у их гостей. Мы безмерно радовались и безобразию наших носов, и геморроидальному цвету наших лиц, потому что все это составляло предмет забавы и увеселения для наших благодетелей и вместе с тем заключало в себе источник нашего будущего благополучия – нашу фортуна и нашу карьеру!! Наконец, после долгих лет терпения и томных искательств, мы получили дипломы на звание губернских аристократов с правом володеть сколько душе угодно. Поначалу свежий воздух провинции сшиб было нас с ног, однако, свыкшись с малолетства со всякого рода огнестоянностями, мы устояли и здесь, и мало того, что устояли, но даже озаботились устроить вокруг себя ту самую атмосферу, которая всечасно напоминает нашим носам передние наших благодетелей. Очевидно, что при таком направлении умов все наши симпатии, все вздохи и порывания должны стремиться к нему, к этому милому Петербургу, где проведена была наша золотушная молодость и где у каждого из нас имеется по крайней мере до двадцати пяти штук приятельски знакомых начальников отделения.

Дни прихода петербургской почты бывают в нашем обществе днями какой-то тревожной и вместе с тем восторженной деятельности. Это и понятно, потому что в эти дни мы получаем письма от наших приятелей – начальников отделения. Мы поспешаем друг к другу, чтоб поделиться свежими вестями, и вот образуется между нами живая и интимная беседа.

– Ну что, ваше превосходительство, – спрашиваю я у генерала Голубчикова, – получили что-нибудь из столицы?

– Как же-с, как же-с, ваше превосходительство! – отвечает генерал, потирая руки, – граф Петр Васильевич не оставляет-таки меня без приятных известий о себе...

– Так вы получили письмо от самого графа? – спрашиваю я, несколько подзадоренный.

– Мм... да, – отвечает генерал таким тоном, как будто ему на все наплевать, – граф частенько-таки изволит переписываться со мной!

– Мм... да, – произношу я и, в свою очередь, не желая уступить генералу Голубчикову, еще с большим равнодушием прибавляю: – А я так получил письмо от князя Николая Андреевича... Каждую почту пишет! даже надоед старик!

И если при этом я положительно убежден, что генерал Голубчиков соврал постыднейшим образом, то генерал, с своей стороны, столь же положительно убежден, что и я соврал не менее постыдно, что не мешает нам, однако, остаться совершенно довольными нашим разговором.

– Скажите пожалуйста! – удивляется в другом углу его превосходительство Иван Фомич, слушающий чтение какого-то письма.

– «...Внушили себе, будто на лбу ихнем фиговое дерево произрастает, и никто сей горькой мысли из ума их сиятельства изгнать не может», – раздается звучный голос статского советника Генералова, читающего вслух упомянутое письмо.

– Да правда ли это? от кого вы получили это письмо? – сыплются с разных сторон вопросы.

– От экзе... от директора, – скороговоркой поправляется статский советник Генералов, поспешно пряча письмо в карман.

– А крепкий был старик! – говорит генерал Голубчиков, которого, как не служащего под начальством таинственного «их сиятельства», описанное выше происшествие интересует только с психической точки зрения.

– Н-да... крепкий... – в раздумье и словно машинально повторяет недавно определенный молодой председатель Курилкин, при чтении письма как будто струсивший и побледневший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.